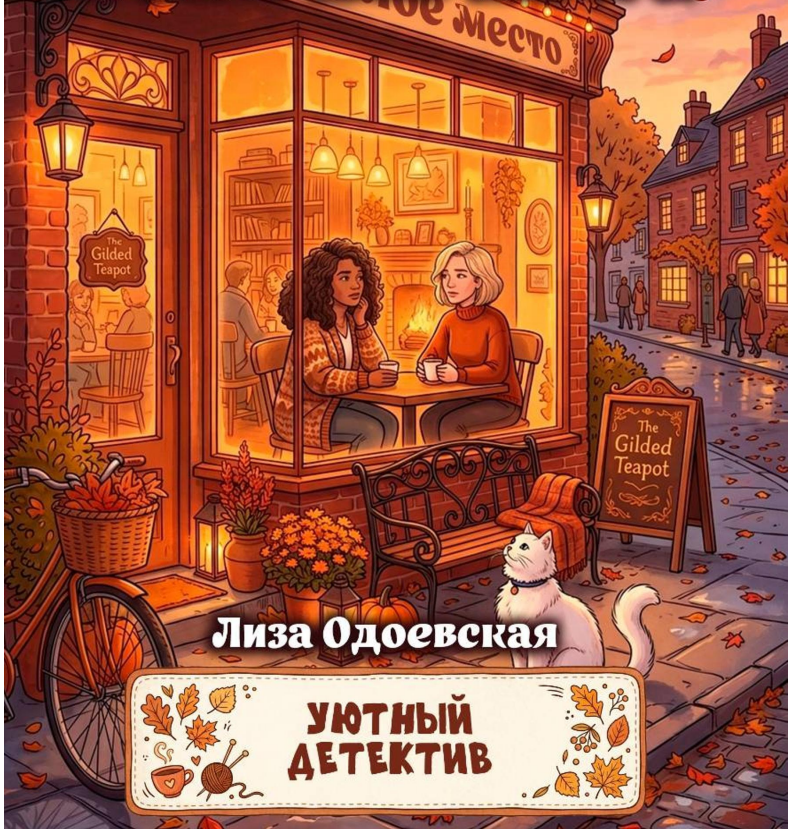

УБИЙСТВО И ЯБЛОЧНЫЕ ПИРОГИ

Лиза Одолевская

УЮТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Лиза Одоевская

Убийство и яблочные пироги

<https://litres.ru/74480522>

SelfPub; 2026

Аннотация

Осенняя ярмарка прервана из-за убийства. Или это не убийство, а несчастный случай?

Пока маленький городок пытается жить своей жизнью, оправляясь после потери одного из своих горожан, две подруги — Анфиса и Нина не могут сидеть без дела.

Они чувствуют, что расследование закрыли слишком быстро. Они уверены, что убийца на свободе.

Но как расследовать убийство, если ты обычная учительница начальных классов или домохозяйка? Давайте узнаем в этой истории.

ДЕТЕКТИВ С АРОМАТОМ ТЫКВЕННОГО ЛАТТЕ, ОСЕННЕГО ДОЖДЯ И ЯБЛОЧНЫХ ПИРОГОВ.

Данная история является художественным произведением и не пропагандирует совершение противоправных и антиобщественных действий, употребление алкогольных напитков. Употребление алкоголя вредит вашему здоровью. Описания и/или изображения противоправных и антиобщественных действий обусловлены жанром и/или

сюжетом, художественным, образным и творческим замыслом и не являются призывом к действию.

Только на Литрес. Литрес авторы.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	28
Глава 5	34
Обращение к читателям	43
Г	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Лиза Одоевская

Убийство и яблочные пироги

Глава 1

Осень в Тихоречье пахла яблоками. Не магазинными, из пластиковых контейнеров, которые не пахнут ничем, кроме холода, — а настоящими, из садов за рекой: тяжёлыми, с шершавой кожурой и тёплым боком.

Их привозили на ярмарку в плетёных корзинах, и весь центр — от площади до старого моста — пропитывался этим запахом. Яблоки, корица, дым от жаровен с каштанами, мокрый асфальт после утреннего дождя.

Анфиса стояла у прилавка с медовыми пряниками и считала до десяти. Потом ещё раз. Потом сбилась и начала заново. Трое детей, трое несносных сыновей приучили Анфису к терпению, но справляться с эмоциями иногда было очень сложно.

Например, как сейчас.

— Мам, а если купить три, то четвёртый бесплатно? — спросил Костя.

— Нет, там написано «три по цене двух», — ответил ему Гриша и дёрнул брата за рукав. — Читать надо.

— Я читал! Там написано «три по цене двух», но если попросить, то можно и четвёртый.

— Нельзя.

— Можно!

— Нельзя!

Анфиса закрыла глаза. В голове суетились мысли.

Она любила своих сыновей. Любила больше жизни. Но иногда, вот в такие моменты, когда они синхронно тянули её в разные стороны, она мечтала о наушниках с шумоподавлением и о чашке кофе в одиночестве. Желательно на необитаемом острове.

— Мальчики, — сказала она, открывая глаза. — Мы уже купили пряники. Два. По одному каждому. Если вы сейчас же не отпустите мой рукав, я позвоню папе, и он расскажет вам, что бывает с детьми, которые спорят на ярмарке.

Близнецы переглянулись. Угроза была пустой — папа их обожал и никогда в жизни не сказал бы им дурного слова, — но тон у мамы был такой, что лучше было не проверять.

Они отпустили рукава. Анфиса выдохнула.

Ей было тридцать восемь. В зеркале она видела женщину с усталыми глазами и красивой улыбкой, которая появлялась всё реже — обычно по пятницам, когда они с Артёмом шли в кино и он брал её за руку, как в двадцать лет. Тогда она снова чувствовала себя не только мамой, не только женой,

не только той, кто гладит рубашки и печёт пироги, а просто Анфисой. Женщиной. Своей.

Ярмарка шумела. Кто-то играл на гармонии, кто-то торговал вареньем, кто-то уже нёс свой пирог к сцене, прикрывая полотенцем.

Анфиса тоже собиралась участвовать — её шарлотка стояла среди других конкурсных работ, и ждала своего часа.

Она пекла её каждый год. И каждый год занимала второе или третье место, потому что первое всегда забирала Полина Соловьёва — тихая женщина с печальными глазами, у которой, кажется, не было ни мужа, ни детей, только кухня и небольшой яблоневый сад.

— Анфиса!

Голос был звонкий и знакомый.

Анфиса обернулась и увидела Нину, которая шла к ней сквозь толпу, придерживая сумку с яблоками. Нина надела своё любимое пальто цвета горчицы и тёплый шарф, а её тёмные кудри выбились из-под берета и торчали в разные стороны.

— Я думала, ты уже ушла, — сказала Нина, подходя. — Мальчишки еще не свели тебя с ума?

— Стараются изо всех сил, — вздохнула Анфиса. — Они сейчас у прилавка с пряниками. Если повезёт, не подерутся.

Нина посмотрела на мальчиков, которые действительно стояли у прилавка и о чём-то оживлённо спорили с продавщицей, и улыбнулась.

Нина умела смотреть на детей так, что они сразу становились если не ангелами, то хотя бы людьми.

Это было её профессиональное — она работала учительницей младших классов на полставки и каждый день имела дело с двадцатью пятью такими же Костями и Гришами.

— Хочешь, я с ними поговорю? — предложила она.

— Ты волшебница?

— Я учительница.

Нина подошла к близнецам, присела на корточки, чтобы быть с ними на одном уровне, и сказала что-то тихо. Мальчики выслушали. Потом кивнули. Потом взялись за руки — сами! — и вернулись к матери.

Анфиса смотрела на них с подозрением.

— Что ты им сказала?

— Что если они будут хорошо себя вести, то в кофейне «Тёплое место» им дадут по куску яблочного пирога. Бесплатно.

— Нина!

— Что? Я договорюсь с Марком. Он добрый.

Марк. Анфиса невольно улыбнулась.

Марк появился в городе весной — приехал откуда-то, снял комнату над кофейней и стал там пекарем. Ему было чуть за тридцать, у него были светлые волосы, которые он постоянно убирал со лба, и руки в муке.

Он пёк хлеб, круассаны и пироги, и от одного запаха его выпечки у Анфисы поднималось настроение. Он всегда улы-

бался. Всегда находил для близнецов какое-нибудь печенье.

Он никогда не ругал детей за их выходки, всегда говорил что смех и шум детей это счастье. Анфиса часто испытывала неловкость за своих детей, как любая мать.

— Ладно, — сдалась она. — Но если они разнесут кофейню, ты будешь платить.

— Договорились.

Они пошли вдоль рядов.

Анфиса поглядывала на часы — скоро начнется конкурс.

Нина рассказывала про школу: про то, как один мальчик принёс в класс лягушку и она весь урок сидела у него в пенале, и про то, как родители одного ученика требовали, чтобы Нина ставила ему пятёрки «за красивые глаза».

Анфиса слушала и кивала, и в какой-то момент поймала себя на том, что ей хорошо. Просто хорошо. Осень, ярмарка, подруга рядом, дети не дерутся. Что ещё нужно?

Они остановились у лавки с выпечкой. Здесь пахло так, что у Анфисы закружилась голова: яблоки, корица, сливочное масло, ваниль. На прилавке стояли пироги — круглые, румяные, с решёткой из теста сверху. У каждого была маленькая табличка с номером. Конкурсные работы.

Нина наклонилась, рассматривая.

— Красиво, — сказала она. — Интересно, чей какой.

— Полины вон тот, с косичкой по краю, — показала Анфиса. — Она всегда так делает. А мой — вон тот, скромный, без украшений. Я не умею красиво.

— Зато вкусно, — сказала Нина. — Я пробовала в прошлом году. Ты не выиграла только потому, что Виктор Савельев — сноб.

При имени Виктора Анфиса поморщилась.

Виктор Савельев был председателем жюри уже пятый год.

Владелец яблоневого сада за рекой, важный, с брюшком и громким голосом, он всегда ходил в одном и том же твидовом пиджаке и смотрел на людей сверху вниз. Анфиса его не любила. Нина — тоже, но Нина была вежливой и никогда не говорила этого вслух. Анфиса говорила.

— Он в прошлом году сказал, что мой пирог «слишком деревенский», — вспомнила она. — Что это вообще значит?

— Что он не умеет говорить комплименты.

— Или что он просто неприятный человек.

Нина не ответила. Она смотрела на лавку.

У лавки, спиной к ним, стоял кто-то в фартуке.

Мужчина. Он быстро, почти незаметно, переставил табличку с номером с одного пирога на другой.

С того, что стоял слева — с косичкой по краю, Полинина, — на тот, что стоял справа, скромный и без украшений.

Анфиса не успела разглядеть, кто это был. Мужчина выпрямился, повернулся и ушёл в толпу, и только тогда Анфиса поняла, что это был Марк.

— Ты видела? — тихо спросила Нина.

— Что?

— Он поменял номерки. Марк.

Анфиса нахмурилась.

— Зачем?

— Не знаю. Может, ошибся. Может, Полина попросила.

— Нина пожала плечами, но в её глазах была та самая собранность, которая всегда появлялась, когда что-то шло не по правилам. — Странно.

— Нина, это ярмарка. Тут все бегают, все путаются. Может, он просто перепутал.

— Может, — согласилась Нина, но было видно, что она не согласилась.

Анфиса решила не забивать голову. У неё и без того было полно забот: близнецы, шарлотка, Артём, который обещал прийти к конкурсу, но, как всегда, задерживался на работе. Она взяла Нину под руку и потянула к сцене.

— Пойдём. Скоро начнётся.

Конкурс проходил на главной площади, у старого фонтана, который осенью всегда выключали. На сцене стоял стол, накрытый красной скатертью, и на нём — пироги.

Жюри сидело рядом: Виктор Савельев в своём твидовом пиджаке, Ирина, организатор ярмарки, женщина с громким смехом и вечными жалобами на нехватку бюджета, и ещё двое — пожилой учитель биологии и молодая девушка из администрации.

Народ собирался. Анфиса стояла в толпе, держа близнецов за руки, и смотрела, как Виктор встаёт и начинает говорить. Он говорил долго: про традиции, про осень, про то,

как важно поддерживать местных производителей. Анфиса не слушала. Она думала о шарлотке, которая стояла дома и ждала.

Потом Виктор сел, и началась дегустация.

Жюри пробовало пироги. Виктор откусывал, жевал, что-то записывал в блокнот. Ирина кивала. Учитель биологии улыбался. Девушка из администрации снимала на телефон.

Анфиса смотрела на Виктора. Он попробовал пирог с косичкой — Полинин. Поморщился. Потом попробовал скромный, без украшений. И тут его лицо изменилось. Он замер. Потом медленно положил вилку. Потом потянулся к стакану с водой.

— Мам, а почему дядя красный? — спросил Костя.

Анфиса не ответила. Она смотрела, как Виктор встаёт, держась за стол, как Ирина что-то говорит ему, как он машет рукой и идёт к выходу со сцены — тяжело, медленно, держась за грудь.

— Нина, — сказала Анфиса.

Но Нина уже смотрела. Её лицо было бледным.

— Я вижу, — сказала она тихо.

Виктор сошёл со сцены и скрылся за углом. Конкурс на минуту замер, потом Ирина объявила перерыв. Толпа зашумела. Кто-то побежал за врачом. Кто-то сказал, что у Виктора сердце. Кто-то — что он просто переел.

Артём появился через десять минут, запыхавшийся, с букетом поздних астр.

— Прости, пробки, — сказал он, целуя Анфису в щёку.

— Что случилось?

— Виктору стало плохо, — сказала Анфиса. — Забери мальчиков, пожалуйста. Я хочу остаться с Ниной.

Артём посмотрел на неё, потом на Нину, потом на близнецов, которые уже тянули его за рукав, требуя пряников. Он кивнул.

— Хорошо. Позвони, как закончите.

Он ушёл.

Анфиса выдохнула, немного отдохнуть от детей иногда полезно.

Нина стояла рядом, глядя в ту сторону, куда ушёл Виктор.

— Пойдём в «Тёплое место», — сказала Анфиса. — Я замёрзла. Хочу выпить кофе, пока рядом нет ребят и можно немного расслабиться.

Нина кивнула, но не двинулась с места.

— Нина.

— Он поменял номерки, — сказала Нина. — Марк. Я видела.

— И что?

— Не знаю. Но я видела.

— А какой в этом смысл?

Они пошли через площадь, мимо сцены, мимо прилавков, мимо людей, которые уже забыли о Викторе и снова ели пряники и пили глинтвейн.

Где-то играла гармонь. Дождь, который моросил с утра,

наконец закончился, и из-за туч выглянуло солнце — низкое, жёлтое, осеннее.

В кофейне «Тёплое место» было уютно. Пахло корицей и хлебом. За стойкой стоял Марк — в фартуке, с мукой на щеке, с обычной своей улыбкой.

— Привет, девчонки! — сказал он. — Лате, как обычно? Сегодня у нас тыквенный латте и травяной чай с яблочным сиропом. Напитки дня!

— Мне тыквенный лате, — сказала Анфиса. — И двойные сливки.

— Мне тоже самое, — сказала Нина отстраненным голосом.

Нина посмотрела на него. Долго. Марк заметил.

— Что? — спросил он. — У меня мука на лице?

— Да, — сказала Нина. — На щеке.

Марк вытер щёку рукавом и засмеялся.

— Вечно так, — сказал он. — Садитесь, я принесу.

Они сели у окна. Анфиса — спиной к залу, Нина — лицом к улице. За окном темнело. Фонари ещё не зажглись, и переулок напротив кофейни тонул в серых сумерках.

Марк принёс два высоких стакана и две тарелки. В стаканах — тыквенный латте, густой, оранжевый, с шапкой взбитых сливок. Сливки он взбил щедро, с горкой, и сверху присыпал корицей. Рядом — по куску яблочного пирога, ещё тёплого, с золотистой корочкой, из которой выглядывали ломтики яблок.

— За счёт заведения, — сказал он и поставил всё на стол.
— Вы сегодня какие-то грустные.

Анфиса обхватила стакан ладонями — горячий, почти обжигающий. Отпила. Сливки остались на губах, и она слизнула их, не думая. Тыква, корица, сладость — всё смешалось в одно тёплое ощущение где-то в груди.

— Виктору Савельеву стало плохо на конкурсе, — сказала она. — Не выходит из головы. Конкурс прервали, видимо, что-то серьёзное.

Марк замер. На секунду — всего на секунду — его улыбка исчезла. Потом вернулась, как будто кто-то дёрнул за невидимую ниточку.

— Да? — сказал он. — Надеюсь, ничего серьёзного.

— Надеемся, — сказала Нина.

Она не притронулась к латте. Смотрела на Марка — прямо, не мигая. Марк выдержал взгляд. Потом кивнул и ушёл за стойку.

Анфиса взяла вилку. Отломил кусок пирога. Тесто было рассыпчатое, яблоки — с кислинкой, которая приятно перебивала сладость сливок. Она прожевала, не торопясь. Потом отпила ещё латте. Вкус осени.

— Нина, — сказала она. — Ты думаешь, это он?

Нина наконец взяла свой стакан. Сделала небольшой глоток и отметила про себя, что Марк умеет сделать особенным даже напиток.

— Я не знаю, что думать, — сказала она. — Я просто ви-

дела, что он поменял номерки. А потом Виктору стало плохо. Это странно.

— Может, совпадение.

— Может.

Анфиса отломилась ещё кусок. Пирог был вкусный. Как всегда. И это почему-то раздражало — что пирог вкусный, что латте тёплый, что сливки сладкие, а где-то человек, которому стало плохо от другого пирога.

— Тем более может быть пирог и не при чём, — сказала она, прожевав. — Может, съел что-то до этого. Или вирус подхватил.

Нина сделала ещё глоток — на этот раз большой, почти жадный, как будто хотела согреться изнутри. Поставила стакан. И посмотрела в окно.

И замерла.

Сливки осели на дне, кофе остыл, а она всё смотрела. В переулке напротив, у стены старого дома, кто-то лежал. Тёмное пятно на сером асфальте. Не двигалось.

Вначале она подумала, что это пакет с мусором, но чем больше она присматривалась, тем больше понимала, что это не пакет. Это точно человек.

— Анфиса, — сказала Нина.

Анфиса обернулась. Посмотрела. Вилка с куском пирога замерла на полпути ко рту. Она медленно положила вилку на тарелку. Поставила чашку — тихо, почти беззвучно, как будто боялась, что звук что-то разрушит.

— Это не...

— Пойдём, — сказала Нина, вставая.

Они вышли на улицу. Холодный воздух ударил в лицо. Пахло дождём и мокрыми листьями. Они пересекли улицу, подошли к переулку.

Виктор Савельев лежал на боку, поджав одну руку под себя. Его твидовый пиджак был расстёгнут. Глаза открыты.

Взгляд пустой и безучастный.

Анфиса прижала руку ко рту.

— Он... — начала она.

— Не трогай, — сказала Нина. — Не трогай его. Надо вызвать полицию. Ни к чему не прикасайся.

Она достала телефон. Анфиса смотрела на тело и думала о том, что утром Виктор Савельев пил кофе, а теперь лежит здесь, в переулке, и уже никогда не скажет, что чей-то пирог слишком деревенский.

И ещё она думала о Марке — о том, как он поменял номерки, как замер, когда услышал имя Виктора, как улыбнулся, когда сказал, что надеется, что ничего серьёзного.

— Нина, — сказала она.

— Да?

— Он же не мог. Марк. Он же не мог.

Нина не ответила. Она набирала номер.

Руки у неё дрожали.

Глава 2

Полиция приехала через двенадцать минут.

Нина засекла по телефону — не потому, что хотела, а потому, что нужно было отвлечься, хотя бы на что-то. Она раньше не видела подобного, вернее видела, но в этот раз все казалось гораздо страшнее.

Двенадцать минут казались бесконечностью, особенно в городе, где самое страшное происшествие это воровство роз с соседской клумбы.

Первым пришёл участковый, Пётр Ильич, мужчина лет пятидесяти с усами и привычкой говорить «так-с». Он посмотрел на Виктора, потом на женщин, потом снова на Виктора.

— Так-с, — сказал он. — И что мы тут имеем?

— Мы имеем труп, — сказала Анфиса. — Виктор Савельев. Председатель жюри. Ему стало плохо на конкурсе, он ушёл, а потом мы нашли его здесь.

— А конкурс тут при чем?

— Это я так. К слову. — Женщины переглянулись и Петр Ильич это заметил.

— К слову? Так-с.

— Вдруг важно. Обычно в фильмах полиция узнает, где была жертва до убийства. — Тихо произнесла Анфиса.

— Про убийство никто не говорил. — Резко сказал Петр

Ильич.

— Мы пили кофе, — решила перевести тему Нина. — В «Тёплом месте». И увидели его из окна.

Пётр Ильич вздохнул. Было видно, что он предпочёл бы сейчас сидеть дома с чаем, а не разбираться с трупом председателя жюри.

Потом приехала «скорая». Потом ещё одна машина. Потом молодой следователь, имени которого Нина не разобрала, — он был в куртке не по погоде и всё время что-то записывал в телефон.

Тело осмотрели. Нина стояла в стороне и смотрела на Виктора. Лежал он некрасиво — поджав руку, с расстёгнутым пиджаком. Но крови не было. И это почему-то пугало больше, чем если бы была.

— Причина смерти — остановка сердца, — сказал врач. — Но точнее скажем после вскрытия. Может, сердце, может, что-то ещё.

— Что-то ещё? — переспросила Нина.

Врач пожал плечами.

— Всякое бывает.

— Яд, например. — Тихо сказала Нина.

Нина перевела взгляд на Анфису.

Анфиса смотрела на Виктора и молчала. Она думала о Марке.

О том, как он поменял номерки. О том, как замер. О том, как улыбнулся — слишком быстро, слишком обычно.

Следователь подошёл к ним. Молодой, лет двадцати восьми, с блокнотом.

— Вы свидетельницы? — спросил он.

— Мы нашли тело, — сказала Нина. — И мы видели кое-что на ярмарке.

Следователь поднял бровь.

— Что именно?

Нина рассказала про номерки. Про то, как Марк переставил табличку с Полининого пирога на скромный, без украшений. Про то, как Виктор попробовал именно этот пирог и ему стало плохо.

Следователь записал. Потом перечитал. Потом посмотрел на Нину.

— То есть вы хотите сказать, что кто-то отравил пирог?

— Я хочу сказать, что видела, как поменяли номерки. А дальше — не моё дело. Я учительница.

— Учительница, — повторил следователь. — Понятно.

Было видно, что он не воспринимает её всерьёз. Нина это почувствовала. Анфиса тоже — и ей это не понравилось.

— А вы вообще знаете, кто такой Виктор Савельев? — спросила она.

— Будем разбираться. — Спокойно сказал следователь.

— Его убили?

— Может быть сердце прихватило. Обычное дело. Мужчина не молодой.

— А может быть это убийство? — Выпалила Анфиса.

— Убийство? — оживился следователь.

— Ну, он был неприятным человеком. Мягко говоря.

Следователь кивнул и записал. Нина посмотрела на Анфису с укоризной. Анфиса пожала плечами: а что, правда же.

После допроса их отпустили. Домой.

Сказали не уезжать из города и быть на связи. Нина подумала, что это звучит как в кино, и ей стало не по себе.

На улице было совсем темно. Фонари зажглись, но светили тускло. Пахло мокрыми листьями и дымом — где-то топили печь или жгли костер.

Уютная, осенняя погода, но сейчас она ощущалась злоеще и пробирала до костей.

— Я провожу тебя, — сказала Нина.

— Я сама дойду, не переживай, — пожала плечами Анфиса.

— Ты живёшь за рекой. Через мост. А там темно.

— Нина, у меня трое детей. Я не думаю, что в нашем городе может произойти больше чем одно убийство за день.

— Давай не будем проверять?

Анфиса не стала спорить. Они пошли через площадь, мимо сцены, которую уже разбирали, мимо прилавков, которые закрывались. Кто-то складывал пироги в коробки. Кто-то гасил фонарики.

— Ты думаешь, это сделал Марк? — Спросила Анфиса.

— Не знаю, но все это выглядит очень подозрительно.

— Он не мог. Он добрый. Он всегда улыбается. Не могу

поверить, что он мог что-то сделать.

— И что? Добрые люди не убивают?

— Я не знаю. Но Марк не такой.

— А какой?

Анфиса не ответила. Потому что не знала. Марк был милым. Марк пёк хлеб. Марк шутил с близнецами. Но она не знала, что у него внутри. Никто не знал. Он приехал весной, снял комнату, начал работать. О прошлом не рассказывал. Говорил, что «просто захотелось начать заново». Мало ли, что это значит.

Они дошли до моста. Река внизу была чёрная, тихая. От неё поднимался туман.

— Ладно, — сказала Анфиса. — Я пойду. Ты тоже иди. И не накручивай себя.

— Я не накручиваю. Я составляю список.

— Какой список?

— Подозреваемых, — сказала Нина. — Я всегда составляю списки.

Анфиса улыбнулась.

— Может быть это просто сердечный приступ.

— Не знаю, но что-то еще не дает мне покоя.

— Как составишь список, то Расскажи мне, может быть твой список совпадет с моим.

Они попрощались. Анфиса пошла через мост, Нина — обратно, к своему дому на улице Лавандовой. По дороге она достала телефон и открыла заметки. Начала печатать.

Глава 3

Нина убрала телефон у самого дома.

Дома её ждала ящерица — большая, зелёная, с непонятной родословной. Ящерица сидела на камне под лампой и смотрела на Нину с укором. Нина насыпала ей корм.

— Не смотри так, — сказала она. — Я не виновата, что сегодня кто-то умер.

Ящерица не ответила. Она вообще редко отвечала.

Нина легла спать, но долго не могла уснуть. В голове крутились номерки, Марк, Виктор, пироги. И ещё — лицо Полины Соловьёвой. Тихая, с печальными глазами. Она стояла у лавки, когда Марк менял номерки. Стояла и смотрела. И ничего не сказала.

Утром Нина проснулась от звонка.

Это была Анфиса.

На фоне, как обычно ругались близнецы, а Анфиса просила их вести себя потише. Но мальчишки не слушались и продолжали кричать.

Тогда послышался строгий голос Артема.

— Пацаны, быстро в свою комнату, мама разговаривает по телефону. Не мешайте.

Мальчишки тут же замолчали и Нина услышала голос подруги.

— Ты уже слышала? — спросила она.

— Что?

— Виктора отравили. Слухи такие ходят.

Нина села на кровати. Ящерица смотрела на неё с камня.

— Значит, всё-таки пирог.

— Значит, пирог, — сказала Анфиса. — И знаешь, что самое интересное? Пирог, который он попробовал, был незнакомым, неизвестно чей он. Номер специально сменили, чтобы концы не найти.

— То есть кто-то подменил не только номерки, но и пирог?

— Похоже на то.

— А как так быстро сделали анализы? И откуда ты узнала?

— Я позвонила мамочке из родительского комитета, она всегда все знает.

— Хорошие у тебя связи.

Нина задумалась. Это меняло дело. Если пирог был не Полинин, а чей-то ещё, то Марк, который поменял номерки, мог быть не причём. Или наоборот — при чём, но иначе.

— Анфиса, — сказала Нина. — Нам нужно поговорить с Полиной.

— Я знала, что ты это скажешь. Давай встретимся в «Тёплом месте» через час?

— Давай.

Нина встала, оделась, посмотрела на ящерицу.

— Мне нужно идти, — сказала она. — У меня расследование.

Ящерица моргнула. Нина решила, что это значит «удачи».

Через час они сидели в «Тёплом месте». Марк был за прилавком — улыбался, пёк, шутил. Но Нина смотрела на него иначе. Она видела не просто пекаря. Она видела человека, который что-то скрывает.

— Доброе утро, сегодня прекрасный день, — сказал Марк. — Тыквенный латте?

— Да, — сказала Анфиса.

— Мне просто кофе, — сказала Нина. — Черный, без сахара.

Марк кивнул и ушёл. Нина посмотрела на Анфису.

— Он слишком спокойный.

— Или он невиновен.

— Или он хороший актёр. Кто говорит, что день хороший после убийства? Тело нашли напротив кафе, а ему будто все равно.

Анфиса вздохнула.

— Нина, ты не думала, что это может быть кто-то другой? Например, Ирина? Она вчера так нервничала. И у неё был доступ к пирогам. Она их расставляла.

— Думала. Но Ирина не меняла номерки. Марк менял.

— Может, он просто помогал. Может, его попросили.

— Кто?

Анфиса не ответила. Марк принёс кофе. Нина посмотрела на него.

— Марк, — сказала она. — А ты вчера долго был на яр-

марке?

Марк замер. На секунду. Потом улыбнулся.

— Ну, как обычно. До конца. А что?

— Просто интересно. Ты видел, как Виктору стало плохо?

— Видел. Я как раз выносил новую партию круассанов.

Смотрю — он идёт, держится за грудь. Я хотел подойти, но там Ирина была, врач. Она подошла к нему. Ну, я не стал мешать.

— А потом?

— А потом пошёл обратно в кофейню. У меня тесто под-
ходило.

— Тесто, — повторила Нина.

— Тесто, — подтвердил Марк. — Оно не ждёт. Самое
важное в выпечке делать все вовремя и соблюдать пропор-
ции.

Он улыбнулся и ушёл. Нина посмотрела на Анфису.

— Тесто, — сказала она. — Удобно.

— Нина, прекрати. Он не мог.

— Мог. Все могли. Вот поэтому у меня есть список.

Она достала телефон и показала Анфисе. Анфиса прочи-
тала. Потом посмотрела на Нину.

— Ты вписала моего мужа в подозреваемые?

— Я вписала всех. Артём вчера опоздал на конкурс. Ска-
зал — пробки. Но пробок в Тихоречье не бывает.

— Нина!

— Что? Я просто проверяю.

Анфиса вздохнула.

— Ладно. Но близнецов хотя бы не записывала?

— Нет, они точно безобидные, я в детях разбираюсь.

Они допили кофе. Нина посмотрела в окно. Переулок, где вчера лежал Виктор, был пуст. Только мокрый асфальт и жёлтый лист, прилипший к стене.

— Пойдём к Полине, — сказала Нина.

— Пойдём, — согласилась Анфиса. — Но сначала я куплю пирожных. Не могу же я прийти к человеку, у которого умер... ну, не умер, но который связан с убийством, с пустыми руками.

— Ты уверена, что это уместно?

— А что, есть правила, как ходить к подозреваемым?

Нина не ответила. Потому что правил не было. А значит, придётся импровизировать.

Глава 4

Дом Полины Соловьёвой стоял на краю города, там, где улицы заканчивались и начинались яблоневые сады.

Небольшой, с покосившимся крыльцом и окнами, выходящими на реку. Анфиса несла коробку с пирожными из «Тёплого места» — эклеры, корзиночки, с кремом и орехами.

Нина шла рядом и молчала. Она всё ещё прокручивала в голове вчерашний вечер.

— Ты уверена, что мы поступаем правильно? — спросила Анфиса.

— Нет. Но других идей у меня нет.

— А если она откроет и скажет: «Убирайтесь, я никого не убивала»?

— Тогда мы извинимся и уйдём. С пирожными.

— Утешительный приз, — вздохнула Анфиса. — «Мы подозревали вас в убийстве, но вот эклер».

Нина не улыбнулась.

Она думала о том, что Полина стояла у лавки и смотрела, как Марк меняет номерки. И ничего не сказала. Почему?

Калитка была открыта. Двор — маленький, с яблоней посередине и кустами смородины вдоль забора. На верёвке сушилось бельё: простыни, полотенца, фартук.

Пахло яблоками и дымом — где-то сжигали траву.

Аромат осени, который возвращает в детство.

На стук вышла Полина.

Ей было около пятидесяти, но выглядела она старше — седые пряди в тёмных волосах, глубокие морщины у рта, глаза, которые давно привыкли смотреть в землю. Она вытирала руки о передник.

— Здравствуйте, — сказала Нина. — Полина Андреевна? Мы... мы пришли поговорить. О вчерашнем.

Полина посмотрела на них. Долго. Потом на коробку с пирожными в руках Анфисы.

— Заходите, — сказала она. — Всё равно уже все придут. Участковый был, следователь был. Вы третьи.

— Мы проведать вас хотели, — быстро сказала Анфиса. — Мы просто... мы были там. Когда Виктору стало плохо. И вы там были.

— Знаю, — сказала Полина. — Видела вас. Вы стояли с детьми у сцены.

Она провела их в дом. Кухня была маленькая, но уютная: деревянный стол, газовая плита, полки с банками варенья. На столе — остывший чайник и чашка с недопитым чаем. Полина жестом пригласила садиться.

— Я не убивала, — сказала она, не дожидаясь вопросов. — Можете мне не верить, но я не убивала. И пирог мой был другой.

— Мы знаем, — сказала Нина. — Точнее, слышали. Поэтому и пришли. Такое событие, раньше в нашем городе ни-

когда подобного не происходило.

Полина села напротив. Она смотрела на стол, на свои руки — сухие, в трещинках, с коротко остриженными ногтями.

— Я пекла пирог с косичкой, — сказала она. — Как всегда. Рецепт от мамы. Она умерла, когда мне было двадцать. Всё, что от неё осталось — этот рецепт и сад.

— Сад? — переспросила Анфиса.

Полина подняла глаза. В них было что-то, от чего у Анфисы сжалось сердце.

— Сад был наш. Наш с мамой. За рекой. Яблони, которые она посадила. Виктор Савельев забрал его.

— Как забрал? — спросила Нина.

— Документы подделал, — сказала Полина. — У мамы не было бумаг. Она просто сажала деревья и собирала яблоки. А Виктор пришёл с бумагами, где было написано, что земля его. Мама судилась, но проиграла. Потом умерла. А сад остался ему.

Нина и Анфиса переглянулись.

— Это мотив, — тихо сказала Нина.

— Мотив, — согласилась Полина. — Я знаю, как это выглядит. Поэтому следователь и приходил. Спрашивал, где я была, что делала. Я сказала правду: была на ярмарке, поставила пирог, потом пошла домой. А когда вернулась — узнала, что Виктор умер.

— А Марк? — спросила Анфиса. — Пекарь из «Тёплого места». Вы видели, как он менял номерки?

Полина замерла. Потом медленно кивнула.

— Видела.

— И ничего не сказали?

— А что я должна была сказать? Что кто-то переставил таблички? Может, он просто ошибся. Может, это вообще не мой пирог был. Может его попросили, что-то заменить.

— Но вы не сказали полиции, — настаивала Нина. — Почему?

Полина посмотрела на неё. Глаза у неё были усталые, как у человека, который давно перестал ждать справедливости.

— Потому что если бы я сказала, вы бы решили, что это я подговорила Марка. Или что это я сама поменяла номерки. Мне не нужны проблемы. Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое. Я вообще не думаю, что было отравление, но весь город уже так думает.

— А Марк? — спросила Анфиса. — Он мог это сделать? Полина пожала плечами.

— Не знаю. Он хороший мальчик. Всегда улыбается, всегда помогает. Но я его не знаю. Он приезжий.

— А вы знаете, откуда он приехал? — спросила Нина.

— Нет. Он не говорил. Но однажды я слышала, как он разговаривал по телефону. Он сказал: «Я вернусь, когда всё закончится». Не знаю, что он имел в виду.

Нина записала в телефон. Анфиса посмотрела на пирожные, которые так и стояли на столе нетронутыми.

— Полина Андреевна, — сказала Нина. — А у Виктора

были ещё враги? Ну, кроме вас?

Полина задумалась.

— Был племянник. Дима. Сын его сестры. Виктор его не любил. Говорил, что он бездельник и транжира. Дима должен был унаследовать сад, но Виктор хотел завещать всё городу. Виктор не самый приятный человек, не удивлюсь, если он еще кому-то перешел дорогу.

— Дима, — повторила Нина. — А где его найти?

— Он живёт в городе. Работает в автосервисе на выезде. Но я не думаю, что он... — Полина замолчала. — Впрочем, я уже не знаю, что думать.

Они попрощались.

Полина проводила их до калитки.

Уже на улице Анфиса обернулась.

— Она не убивала, — сказала она. — Я в этом уверена.

— Я тоже, — сказала Нина. — Но кто тогда?

— Может, Марк. Может, племянник. Может, кто-то ещё.

Нина достала телефон и дописала в списке:

5. Дмитрий. Племянник Виктора. Ждёт наследства. Работает в автосервисе. Конфликт с дядей.

— Нам нужно с ним поговорить, — сказала она.

— Конечно, — вздохнула Анфиса. — Потому что мы теперь официально расследуем убийства. У меня, между прочим, рубашки не поглажены, а мальчикам завтра в школу, Артему на работу, еще ужин нужно приготовить.

— Погладишь вечером. А с ужином я тебе помогу.

— Ты не понимаешь. Если я не поглажу рубашки, Артём пойдёт на работу в мятой, и все решат, что я плохая жена.

— Или что у него есть руки и он может погладить сам. Анфиса засмеялась.

— Нина, ты невозможна. Конечно, может. Но, обычно, это делаю я. Он сегодня и так весь день с нашими сорванцами.

— Им полезно проводить время с отцом.

Вечером Нина сидела дома и смотрела на ящерицу. Ящерица смотрела на неё. Они понимали друг друга без слов.

— Я не знаю, кто это сделал, — сказала Нина. — Но я узнаю.

Ящерица моргнула.

Телефон пискнул. Сообщение от Анфисы:

«Артём сказал, что видел вчера Дмитрия на ярмарке. Он был у лавки с пирогами. За десять минут до того, как Виктору стало плохо».

Нина посмотрела на экран. Потом на ящерицу.

— Вот и первый настоящий подозреваемый, — сказала она.

Ящерица не ответила. Но Нина была почти уверена, что она согласна.

Глава 5

Утро началось с носков. Анфиса стояла в коридоре и держала в руках три пары, но ни одна не подходила.

Костя требовал «те, с полосками», Гриша — «те, где нарисованы мячики», а Артём молча пил кофе и делал вид, что его здесь нет. У него был выработанный за годы брака иммунитет к утреннему хаосу: если не встревать, всё решится само.

— Костя, эти с полосками в стирке.

— А почему?

— Потому что ты вчера в них по луже ходил.

— Я не ходил, я прыгал.

— Вот поэтому они в стирке.

Артём допил кофе, поцеловал Анфису в щёку, сказал мальчикам «слушайте маму» — что было чистой формальностью, потому что они и не собирались, — и ушёл на работу.

Дверь закрылась. Анфиса выдохнула и наконец нашла носки. Обычные, серые. Костя посмотрел на них как на личное оскорбление, но натянул.

Через сорок минут она вытолкала близнецов за дверь, проверила, взяли ли они сменку, и пошла обратно в дом. В доме стало тихо. Так тихо, что стало даже немного не по себе.

Анфиса посмотрела на гору посуды, на корзину с бельём,

на рубашки Артёма, которые ждали глажки. И почувствовала странное, почти неприличное удовольствие.

Она занялась домашними делами, наведение порядка всегда успокаивало Анфису. Когда дом чист и все разложено по своим местам даже думается легче.

Когда вся работа по дому была закончено, то оставались ещё два свободных часа.

Анфиса заварила свежий чай и уже собиралась насладиться тишиной и порядком, когда в дверь постучали.

На пороге стояла соседка — Валентина Петровна из дома напротив. Женщина лет шестидесяти, с крашеными рыжими волосами и привычкой знать всё про всех. Она держала пустую чашку.

— Анфисочка, здравствуй. У тебя яиц не найдётся? Я пирог затеяла, а яйца кончились. Вот, думала, у тебя займу.

— Конечно, Валентина Петровна. Проходите.

Соседка вошла, но на кухню не пошла. Встала в прихожей и начала оглядываться — так, будто видела квартиру впервые, хотя бывала здесь раз сто.

— Яиц, яиц, — пробормотала Анфиса, открывая холодильник. — Сейчас.

— А у вас уютно, — сказала Валентина Петровна. — Я всегда говорю: у Анфисы уютно. Не то что у некоторых. Такой порядок, не представляю, как ты все успеваешь со своими сорванцами.

— Спасибо.

— А я ведь к тебе не только за яйцами. Поговорить хотела. Сердце не на месте. — Соседка понизила голос, хотя в квартире, кроме них, никого не было. — Ты ведь вчера на ярмарке была? Виктора видела? Такое трагическое событие!

Анфиса достала яйца, положила их в чашку. Медленно. Чтобы не выдать волнения.

— Видела. Мы с Ниной его и нашли.

— Ох, бедные вы. — Валентина Петровна покачала головой, но в глазах у неё было не сочувствие, а азарт. — А я знаю больше. У меня зять в полиции работает, в соседнем районе, но у них тут все друг друга знают. Так вот. Говорят, что сердечный приступ, а то вчера пустили слух про отравление и весь город переполошили, даже пироги с конкурса все выбросили.

Анфиса замерла.

— Как не отравили? Мне сказали что отравление.

— Да, вначале так и говорили, — согласилась соседка. — Экспертиза показала: в пироге, который Виктор попробовал, ничего не было. И в его крови ничего не нашли. Сердце остановилось само. Дело закрыли.

— Само остановилось? — переспросила Анфиса.

— Само, — кивнула Валентина Петровна. — Возраст, давление, нервы. Он же весь больной был, Виктор-то. Все знали.

— Но, как так быстро экспертизу провели? Сутки еще не прошли.

— Покуда мне знать, я в этих делах не разбираюсь, за что купила, за то и продаю.

Анфиса молчала. Она думала о том, как вчера вечером они с Ниной обсуждали список подозреваемых, как Нина печатала в телефоне имена, как они строили версии.

И всё это — зря? Просто сердце?

— Странная ситуация, — не могла успокоиться Анфиса.

— Странная.

Валентина Петровна забрала яйца и ушла, оставив после себя лёгкий запах духов и ощущение, что где-то здесь под-
вох.

Анфиса села на табуретку. Взяла телефон. Набрала Нину.

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Анфиса вспомнила: у Нины два урока, она освободится только после обеда. А значит, у Анфисы есть ещё часа полтора — и ни одной идеи, что с ними делать.

Анфиса не верила. Она не знала почему, но не верила. Слишком много совпадений: Марк с номерками, Полина с пирогом, Дмитрий у лавки, и вдруг — «само». Так не бывает.

Она встала, накинула пальто и вышла из дома.

Театр в Тихоречье был старый, с колоннами и облупившейся краской. Здесь когда-то ставили Чехова и Островского, а теперь — детские утренники и концерты местной самодеятельности.

За костюмерной следила Люба, знакомая Анфисы ещё с

тех времён, когда обе ходили в один садик. Потом Люба осталась в городе, а Анфиса вышла замуж и завела детей. Но связь не потерялась — раз в месяц они пили кофе и жаловались на жизнь.

— Люба, привет. Давно не виделись!

— Анфиса? — Люба выглянула из-за стойки. — Ты чего тут? Даже не помню, когда ты на работу ко мне заглядывала.

— По делу я к тебе важному, и секретному. — Анфиса перешла на шепот. — Парик мне нужен. Два.

— Парики?

— Два. Чтобы не узнали.

Люба посмотрела на неё внимательно. Потом вздохнула.

— Ты во что-то вляпалась?

— Нет. Просто хочу проверить одну вещь.

— Ага. И поэтому тебе нужны два парика.

— Один для меня, один для Нины.

Люба покачала головой, но пошла в подсобку. Вернулась с двумя париками: один — тёмный, короткий, с чёлкой, второй — светлый, длинный, с завитками.

— Тёмный — для тебя, — сказала она. — А светлый, если честно, отвратительный. Но он никому не идёт, так что никто и не подумает, что это ты.

— Спасибо, Люба.

— Анфиса.

— Что?

— Верни завтра. А то у нас все по счету. Ты же знаешь.

Головой отвечать буду.

— Обязательно верну.

Анфиса засмеялась и ушла.

В два часа она стояла у школы. Близнецы выбежали первыми — Костя с расстёгнутым рюкзаком, Гриша с пятном на рукаве, оба счастливые и грязные.

— Мам, а мы сегодня пойдём в парк?

— Нет, сегодня мы идём домой. У меня дела.

— Какие?

— Взрослые.

— А папа сказал, что взрослые дела — это скучно.

— Папа прав. Но иногда без них нельзя.

Анфиса попросила детей подождать у ворот, а сама нашла Нину, которая возилась с первоклашками. Анфиса подошла к подруге и заговорщицки шепнула, чтобы та после работы шла в Теплое место.

Анфиса довела детей до дома, велела делать уроки, поставила на стол печенье и ушла, оставив близнецов под присмотром соседки — той самой Валентины Петровны, которая, несмотря на любовь к сплетням, была надёжной. Дети у неё всегда сидели тихо. Может, боялись.

Нина ждала у «Тёплого места». Она только что закончила уроки и выглядела усталой — в волосах мелок, на пальце чернильное пятно.

— Ты чего такая загадочная? — спросила она. — Я думала, что ты сегодня занята домашними делами.

— Пойдём, — сказала Анфиса. — Нам нужно поговорить.

Они отошли за угол, к старому тополю. Анфиса оглянулась. Потом достала из сумки два парика. Тёмный и светлый.

— Что это? — спросила Нина.

— Это, — Анфиса торжественно подняла тёмный, — для тебя. А это, — она подняла светлый, — для меня.

— Анфиса, зачем?

— Сегодня вечером мы будем следить за Марком.

Нина замерла. Потом посмотрела на парики. Потом на Анфису. Потом снова на парики. И медленно, широко улыбнулась.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

— Но у меня же уроки, после обеда будет еще два, а потом надо отчет написать. И ящерица. И вообще, я не умею следить.

— Научишься. Наденешь парик, и никто тебя не узнает. Даже ящерица.

— А дети?

— С Валентиной Петровной. Она согласилась посидеть. У неё как раз пирог. А потом Артем придет. Я пока сама за Марком буду наблюдать, с кем общается. О чем говорит, а вечером, после закрытия посмотрим куда пойдет.

Нина взяла тёмный парик и примерила. Волосы оказались короткие, с чёлкой. Она посмотрела на своё отражение в витрине.

— Я похожа на учительницу из фильма про шпионов.

— Ты похожа на женщину, которая идёт на дело. А дело

— сегодня в семь. Марк закрывает кофейню в восемь. Значит, у нас есть час, чтобы понять, куда он ходит после работы.

— А если он просто идёт домой? Он живет в доме, где кофейня.

— Тогда мы узнаем, бывает ли он в других местах. Тоже полезно.

Нина сняла парик. Спрятала в сумку. Посмотрела на Анфису.

— Ты знаешь, что мы делаем что-то очень глупое?

— Знаю. Но лучше глупое, чем никакое.

— Согласна.

Они разошлись по своим делам — готовиться. Нина шла и улыбалась. Впервые за два дня ей было не страшно, а интересно. Как в детстве, когда они с девочками строили шалаш и воображали, что они разведчицы.

Дома её ждала ящерица.

— Сегодня вечером я иду на задание, — сказала Нина. — Не жди меня.

Ящерица моргнула. Нина решила, что это значит «будь осторожна».

Она открыла шкаф и начала выбирать, что надеть. Что-то тёмное. Что-то, в чём она будет похожа на человека, который умеет следить. Что-то, в чём она не будет похожа на

учительницу младших классов.

Выбор был небогатый. Но Нина всё равно улыбалась.

Обращение к читателям

Дорогой мой читатель, я рада, что ты заглянул в мою книгу.

Это уютный, провинциальный детектив о двух подругах, которые хотят немного азарта и приключений, в своей обычной жизни.

Вы можете поддержать мое творчество своим комментарием. Я все комментарии читаю, а самые интересные буду учитывать в сюжете.

Не упустите возможность повлиять на сюжет.

Обсуждайте подозреваемых, выдвигайте свои теории. Все мы глубоко в душе юные детективы!

Приятного чтения!

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.